

Алла Бурцева (Москва)

Познание «изнутри» и «снаружи»: литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг.

Alla Burtseva (Moscow)

“Inside” and “Outside” Knowledge: Turkmen Almanacs of the 1930s in Critical Reviews

Резюме. Статья посвящена рецензиям на туркменские альманахи СП СССР «Айдинг-Гюнлер» (1934) и «Туркмения» (1936), а также сборник «Поэты советского Туркменистана» (1934). Рассматриваются три рецензии. Каждая из них построена на противопоставлении взгляда на туркменскую культуру «снаружи» и «изнутри». Рецензия А. И. Роскина и Ю. П. Сервука «Расцвет республик Советской земли» отличается положительной оценкой альманаха «Айдинг-Гюнлер», в рецензии неизвестного автора на альманах «Туркмения» предыдущий оценивается прохладно. Альманах «Туркмения» получает в целом высокую оценку. Для рецензий характерно противопоставление литературы с элементами «экзотики» и новой советской литературы, которая призвана эти элементы искоренить. Также прослеживается ученическое положение туркменских писателей по отношению к их московским коллегам. В завершение статьи делаются выводы о том, что само понятие «экзотизма» представляет собой расплывчатую характеристику, которую не до конца понимают сами рецензенты, вынужденные балансировать между отказом от ориентальных мотивов и сохранением национального колорита республики. Таким образом новая советская литература противопоставлялась «колониальной» дореволюционной и одновременно легитимизировалось размежевание республик Средней Азии.

Ключевые слова. Туркмения, Союз писателей СССР, альманах, рецензии, ориентальная литература.

Abstract. The paper deals with critical essays on Turkmen almanacs of the Union of Soviet Writers, *Ajding-Gunler* (1934) and *Turkmenia* (1936), as well as the collective book *Poets of Soviet Turkmenistan* (1934). The paper considers three reviews. Each of them build an opposition between the view “from inside” and “from outside”. The review by A. I. Roskin and Yu. P. Sevruk *The flourishing of the republics of Soviet land* brings a positive assessment of the almanac “Ajding-Gunler”. An unknown author of the review on *Turkmenia* assesses the previous one coldly. *Turkmenia* itself gets a positive review. Both reviews build an opposition between “exotic” and new Soviet literature, which should eliminate the “exotic” elements. The reviews implicitly consider Turkmen writers as ones how should learn from their Moscow teachers. The paper concludes that the characteristic “exotic” is controversial, and the authors themselves do not fully understand its features. They have to balance between rejecting oriental features and preserving national traits. This opposition should separate new Soviet literature from colonial tendencies of the past and legitimize the division of the republics of Soviet Middle Asia.

Keywords. Turkmenia, the Union of Soviet writers, almanac, review, oriental literature.

В настоящей статье речь пойдет о рецензиях на альманахи, посвященные национальной культуре, в первую очередь — туркменской, а именно «Айдинг-Гюнлер» (1934) и «Туркмения» (1936), а также о предшествовавшем им сборнике «Поэты советского Туркменистана» (1934).

Создание альманахов было частью общего проекта по развитию советских национальных литератур [см., например: Быстрова 2018]. В первые десятилетия после образования СССР освоение национальных культур стало редакционной задачей для писательских бригад, которые посещали советские республики. Так создавались многочисленные альманахи, в которых соседствовали произведения местных писателей и их коллег из Москвы и Петербурга. По существу задач было две: освоить

«национальное» и привнести в него «социалистическое». Новая советская литература противопоставлялась дореволюционной, которую было принято называть колониальной и, применительно к Средней Азии, ориентальной.

Однако проект, предполагающий по сути пропагандистскую деятельность, нельзя назвать свободным от ориенталистской установки: научить литераторов национальных республик быть частью большого советского литературного процесса, сформировать у них представление о себе как о советском писателе. Поэтому было выгодно представить молодых писателей советской республики в одном ряду с их «старшими» коллегами. Однако, что такое советский и — шире — русский ориентализм — вопрос отдельный. Так, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе утверждает, что классическая концепция «ориентализма» Э. Саида в этом поле применима лишь с большими оговорками:

У русских никогда не было единого представления об Азии. Ориенталистская схема Саида безапелляционно предполагает сложившееся видение того, что такое Азия и как она противопоставлена Европе. Но в России его просто не существовало. Российская империя, расположенная на двух континентах, имела неоднозначные отношения с остальной Европой, а природа взаимодействий с Азией была сложна. В результате понимание Востока складывалось из множества отдельных мнений. Перефразируя расхожее выражение из фильма Александра Мотыля 1969 г. «Белое солнце пустыни», русский ориентализм — дело тонкое¹[Schimmelpennick van der Oye 2010: 11].

Сама по себе проблема построения национальной литературы и культуры, «национальной по форме и социалистической по содержанию», предполагала заведомо противоречащие другу задачи. В частности, в Туркмении, где, как замечала исследова-

¹ Russians have never been of one mind about Asia. Said's Orientalist schema assumes unanimity, a shared view both of Asia and about how to confront it that simply never existed. The Russian Empire's bicontinental geography, its ambivalent relationship with the rest of Europe, and the complicated nature of its encounters with Asia, have resulted in a fragmentary understanding of the East among its people. To paraphrase a cliché from Aleksandr Motyl's 1969 film *White Sun of the Desert*, Russian Orientalism is a complicated question. Перевод наш. — А. Б.

тельница А. Л. Эдгар, племенная идентичность доминировала над общенациональной, было нужно одновременно выстроить последнюю и создать совершенно новую: общесоветскую [см.: Edgar 2004: 18—26].

Построение идентичности такого рода не могло обходиться без обозначения позиции учителей и учеников. В заявлениях Туркменской комиссии Союза советских писателей подчеркивалось при этом, что обучение должно идти по двум направлениям: не только туркменские писатели должны учиться у русских, но и русские у туркменских. Проект создания национальной туркменской литературы включал в себя в том числе переводы из туркменской классики, и сама она должна была стать одним из источников, по которому молодым туркменским литераторам следовало учиться писать. Здесь, однако, надо отдавать себе отчет в том, что содержание произведений, которые под этой классикой понимались, подверстывалось под советскую социально-политическую повестку: эти тексты трактовались как обличительные, противостоящие колониализму имперской власти. Таким образом в круг текстов-образцов включались даже религиозно окрашенные произведения (в очерке² о туркменской литературе Х. Чарыев, один из представителей тогдашней туркменской литературной верхушки, даже называет ислам передовой идеологией времен Махтумкули, поэта, который был провозглашен главным туркменским классиком) [см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57: 40].

Итак, проект национальных литератур, и в частности туркменской, можно трактовать двояко: он включал одновременно ориенталистскую схему развития, попытку присвоения туркменской культуры и установку на то, чтобы литераторы не теряли национальную идентичность. Так, уже в 1950-е гг. Г. А. Санников с сожалением замечал, что у туркмен до сих пор нет истории литературы, нет истории народа³ [см.: РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 112: 49].

² Машинопись хранится в РГАЛИ, место публикации пока не обнаружено.

³ Диалог о том, что необходимо написать историю народов бывшего Туркестана велся с 1920-х гг. Средняя Азия представлялась наследницей древней цивилизации, когда-то опережавшей в развитии европейскую, и это наследие нуждалось в освоении [см.: Тольц 2013: 278; Bustanov 2015: 8].

Эта система с множеством переменных возвращает нас к суждениям Эдгар о том, что туркменская советская культура, которую приходилось создавать фактически с нуля, во многом зависела от построения внутритуркменской национальной идентичности, которая, как считает исследовательница, на момент образования республики была неразвита.

Издательский проект туркменских альманахов должен был работать, таким образом, на пропаганду в двух обозначенных направлениях. Альманах «Айдинг-Гюнлер» («Лучезарные дни»; о проблеме перевода названия на русский язык — или с русского на туркменский — см.: [Бурцева 2020]) был создан к 10-летию Туркменистана и выходил из печати несколькими партиями (подробнее см.: [Holt 2013]; см. также: [Быстрова 2018]). Помимо молодых туркменских литераторов, среди авторов фигурировали П. Г. Скосырев, Г. А. Шенгели, Г. Максимов, К. А. Большаков, А. П. Платонов, Г. А. Санников, М. П. Лоскутов. Альманах «Туркмения» должен был последовать за ним в 1935 г. [см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6: 15], однако вышел лишь в 1936 г. (вероятно, первый альманах от такой задержки спасло лишь то, что он был юбилейным). Состав авторов частично совпадает с «Айдинг-Гюнлером», однако в «Туркмении» есть отдельный раздел переводов из туркменской классической поэзии и фольклора. Сборник «Поэты советского Туркменистана» связан с первыми двумя лишь опосредованно: на момент его создания Туркменская комиссия Союза советских писателей была только сформирована [см. Роженева 2009: 398], и редактором выступил Г. А. Шенгели. Принципиальное отличие от «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмении», представляющих собой, как ясно из протоколов заседаний, единый проект [см.: РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 6: 15], состоит в том, что сборник составлен полностью из произведений туркменских поэтов.

Отзывов об альманахах очень мало. Нам удалось найти рецензию на «Айдинг-Гюнлер» А. И. Роскина (театральный и литературный критик, сотрудничал в ряде журналов, в том числе в «Красной Нови») и Ю. П. Севрука (литературный критик, специализировавшийся на советской поэзии, в т. ч. национальной)

под заголовком «Расцвет республик Советской земли» в бюллетене «Художественная литература» (1935, № 6), а также машинописи рецензий Аделины Адалис на «Поэтов советского Туркменистана» и рецензии на «Туркмению» без указания имени автора (обе: [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57]). Были ли две последние где-либо опубликованы, нами пока не выявлено.

Американская исследовательница К. Холт в диссертации, посвященной альманаху «Айдинг-Гюнлер» и предшествовавшему ему альманаху «Туркменистан весной» (1932, вышел с подзаголовком «Туркмения глазами советских писателей»), утверждает, что, если остановиться только на произведениях писателей из Москвы, принципиальное различие между двумя альманахами состоит в следующем. Если в «Туркменистане весной» писатели смотрят на республику как бы извне, то в «Айдинг-Гюнлер» их позиция изменяется. Авторы пытаются повернуть тексты таким образом, чтобы создалось впечатление взгляда на национальную республику глазами самого ее жителя или молчаливого наблюдателя (в частности, именно на этом приеме построен рамочный комплекс повести Г. Максимова «Песнь Амана» из альманаха «Айдинг-Гюнлер»). Холт видит в этом сознательную писательскую траекторию в рамках литературного поля по П. Бурдые [см.: Holt 2013: 285]. Нам же это утверждение представляется некоторой натяжкой: такая установка декларировалась, но насколько она была воплощена, судить сложно. Поэтому представляется интересным взглянуть, как на два альманаха, бывшие частями одного издательского проекта (а не двух разных) реагировала критика, как она оценивала удачность или неудачность выполнения такой установки.

Сам принцип «познать Туркмению изнутри» декларировался участниками комиссии и писательской бригады, деятельность которой весьма подробно освещалась в «Литературной газете» и в газете «Туркменская искра». Заявлен он был еще во время путешествия первой бригады, которая создавала альманах «Туркменистан весной»: «подсмотреть незаметное», «познать новую Туркмению», «мы приехали не ради простого любопытства» и т. п. [см.: ТИ 1930а; ТИ 1930б]

Рецензии на оба альманаха представляют собой оценочные суждения именно по критерию «извне, из окна поезда» и «изнутри, через призму национальной идентичности».

Рецензия Роскина сдержанная, но в целом положительная. Она написана сразу на два региональных альманаха «Айдинг-Гюнлер» и «Узбекистан» (последний также вышел в 1934 г., редактором выступил Владимир Ермилов).

Роскин отмечает:

Альманахи охватили ряд важнейших сторон жизни Узбекистана и Туркменистана. <...> представляют собой, несомненно, значительное явление в деле освоения художественной литературой тех имеющих всемирно-историческое значение революционных процессов, которые преобразовывают лицо страны, именовавшейся ранее «Туркестаном». Особенно следует подчеркнуть стремление большинства авторов осветить тот или иной участок социалистического строительства путем развернутого показа человека сегодняшнего Узбекистана и Туркменистана. Этим предопределился отчасти и доминирующий в обоих альманахах жанр — новелла [Роскин 1935: 3].

Отметим, что основная положительная характеристика здесь — изображение конкретного представителя советской национальной республики, то есть соблюдение декларированного принципа «познать Туркмению не глазами писателя, а глазами ее уроженца». Примечательно, что Роскин пишет именно об освоении «революционных процессов» художественной литературой, то есть прямо заявляет о том, что альманахи представляют собой беспрецедентное явление. При этом он упоминает о «Туркменистане весной», но лишь вскользь: «<...> три года назад был издан литературно-художественный альманах “Туркменистан весной”, составленный из сюжетных произведений» [Роскин 1935: 3].

Кроме того, в рецензии имплицитно противопоставлены образ региона до и после размежевания республик Средней Азии: на наш взгляд, Роскин упоминает о Туркестане именно с тем, чтобы подчеркнуть, что социалистическое строительство должно сформировать новые национальные идентичности (о формировании новой национальной и наднациональной (советской)

идентичности в Туркмении подробно см.: [Edgar 2004]). Роскин подчеркивает важность не социального строительства вообще, а преобразований в отдельно взятых регионах.

Вторым достоинством альманахов Роскину представляется жанровое разнообразие, а именно, отход от очерка, то есть журналистского отстраненного взгляда. Правда, автор рецензии по неясной причине заявляет, что доминирующий жанр в альманахах — новелла. Ни один из текстов из альманаха «Айдинг-Гюнлер» такого жанрового подзаголовка не имеет. Грань между очерком и, например, «материалами к рассказу» К. Большакова «Керки» расплывчата: в обоих случаях картина передана глазами наблюдателя-чужака, а повествование носит репортажный характер. Однако сами составители альманаха отделяют друг от друга очерки и прочие тексты с помощью разных типов набора: первые сверстаны «по-газетному», в две колонки. Складывается впечатление, что важнее всего для критика подчеркнуть новизну подобного издательского проекта.

Наконец, Роскин пытается доказать, что в альманахах нет «налета экзотизма»:

Едва ли хоть сколько-нибудь квалифицированный советский писатель решится подавать Восток в плане наивного экзотизма. Писатель твердо знает также, что в смысле освоения материала от него требуется нечто большее, чем ознакомление со страной из пресловутого «окна вагона». И вот писатель ставит перед собой задачу — познать страну «изнутри». Но очень часто «познание изнутри» понимается в том смысле, что следует, отказавшись от своей собственной писательской манеры, стилизовать вещь, придать ей внешне усвоенные ориентальные элементы [Роскин 1935: 4].

Здесь актуализуется одна из определяющих установок формирующегося канона советской ориентальной литературы (подробнее о соцреалистическом каноне и применении этого термина для анализа советской литературы см.: [СК 2000]). Необходимо было отмежеваться от дореволюционного «колониального» взгляда на республику. Поэтому в стенограммах заседаний Туркменской комиссии последовательно используется

определение «колониальный» и затем следуют объяснения, как новая советская страна борется с колониальными пережитками в национальных республиках [см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56: 32; РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 102: 4; РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 100: 4; РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90: 2]. Отметим также характерное название одного из произведений тех лет — очерка Б. Кожаринова «Гибель экзотики» («Всемирный следопыт». 1931. № 1), название которого декларирует именно эту установку.

В контексте «экзотики» Роскин критикует узбекский альманах за чрезмерное увлечение пословицами, которые как будто позаимствованы из словаря, а не из реальной жизни. Удивительно, что при этом он хвалит повесть П. Скосырева «Оазис» из альманах «Айдинг-Гюнлер»:

Доля этой искренности, теплоты согревает и несколько неровно написанную повесть П. Скосырева «Оазис» (в альманахе «Айдинг-Гюнлер»), и придает заражающую убедительность судьбам персидского мальчика Мамеда, бежавшего в пустыню беспризорника, потом комсомольца и, наконец, политотдельца... [Роскин 1935: 4].

И далее:

Такие образы, как <...> Мамед у П. Скосырева — это уже не схемы по кальке, а рельефные, может быть, и не вполне доработанные <...> но живые «трехмерные» фигуры, созданные художниками, а не чертежниками или каллиграфами (sic!). Образы эти — несомненный вклад в галерею «Люди нашей страны» [Роскин 1935: 4].

Парадокс здесь в том, что «Оазис» — едва ли не самая насыщенная «восточным колоритом» вещь из альманаха (подробнее об этом см.: [Бурцева 2020]). Очевидно при этом, что Роскин прочел повесть невнимательно: Мамед не беспризорник и в пустыню не убегает. Отметим, что в рецензии продолжает актуализироваться образ «нового человека».

Не вполне ясно, как Роскин проводит границу между уместной этнографией и неуместным экзотизмом. Скосырев на тот момент имеет литературную репутацию человека, хорошо знающего Восток, его повестью открывается альманах, на нее обратит внимание читатель в первую очередь. Характерно, что

рассказ Андрея Платонова, человека с неустойчивой литературной репутацией, критик называет «не вполне убедительным» (точнее, его концовку) [Роскин 1935: 4].

В рецензии прослеживается установка продемонстрировать «Айдинг-Гюнлер» в выгодном свете на фоне узбекского альманаха, который подается как более слабый. Как раз ему достаются все упреки в экзотизме и ориентальности. Представляется, однако, что при желании «Айдинг-Гюнлер» можно было бы упрекнуть в том же самом. Об этом свидетельствует другая рассматриваемая нами рецензия — на альманах «Туркмения»: «Печать встретила «Айдинг Гюилер» (sic!) довольно доброжелательно, принимая во внимание его праздничное назначение, хотя по пестроте состава авторов и по качеству помещенных произведений он заслуживал более резкой критики» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57: 29].

Именно «юбилейный характер», по всей видимости, и заставляет Роскина ограничиться несколькими формальными претензиями и подать альманах как свободный от экзотизма, высветив его на фоне менее удачного и «неюбилейного издания» (конечно, годовщина образования Узбекистана совпадает с годовщиной образования Туркмении, однако издание было значительно менее «праздничным»: «Узбекистан» стоил в три раза меньше, чем «Айдинг-Гюндер» — 4 рубля (на самой книжке «Айдинг-Гюнлера» цена не указана, в рецензии указана цена в 12 рублей, что, по нашим подсчетам⁴, чуть выше его себестоимости). «Айдинг-Гюнлер» и внешне производит впечатление дорогой книги: он напечатан в увеличенном формате на хорошей бумаге, с крупными иллюстрациями, богатым графическим оформлением (подробнее см.: [Бурцева 2020]).

Автор рецензии на «Туркмению» не пишет прямо, какой именно критики заслуживает альманах, однако проговаривается в общих рассуждениях о национальных сборниках:

⁴ В планах по изданию следующего альманаха указано, что на него следует потратить ту же сумму, что и на «Айдинг-Гюнлер», а именно 66 тысяч рублей [см.: РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 439: 17]. Конечно, простое деление этого числа на объем тиража в 5500 экземпляров не позволяет получить точную себестоимость (некоторые виды работ могли не учитываться), но, во всяком случае, можно заключить, что альманах продавался по цене не выше себестоимости.

<...> в результате их гастрольных поездок появились сборники, дающие мало представления о стране, описанию которой они предназначались. В этих сборниках, если и не рассказывалось «вздора», то все же рассказы и очерки, помещенные в них, зачастую вызвали возмущение местных работников, настолько описание было далеко от действительности.

Вместо изучения страны изнутри, вместо подлинного знакомства с трудовой жизнью народа, с его заботами и радостями, с запросами и стремлениями, писатель бегло ознакомился с внешней, необычной, вернее, экзотичной для него обстановкой <...> наделяя свои произведения на национальные темы домыслами, основанными на дореволюционных этнографических обзорах и приукрашивая их восточной витиеватостью, претендуя таким образом, на особый стиль показа союзных республик (см. сборники узбекский, дагестанский и др.) [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57: 28].

Отметим, что конфликт с местными властями при создании «Айдинг-Гюнлера» действительно имел место (подробно см.: [Бурцева 2020]). Учитывая, что туркменских сборников на тот момент существует всего два, вполне ясно, что «Айдинг-Гюнлер» также подпадает под это описание.

В рассуждениях о достоинствах альманаха «Туркмения» (а он на фоне других описан как почти идеальная работа) автор рецензии особенно хвалит того же Скосырева:

П. Скосырев хорошо знает Туркменистан и ему без навязчивости удастся описать особенности быта и характера туркмен. В психическом анализе своих героев автор далек от руссификации (sic!).

Умело использует в тексте П. Скосырев туркменские песни. У него прекрасная туркменская песня несет роль образа, связующего героев и в некоторых случаях, благодаря создаваемому настроению<,> влияющего на их поступки.

Повесть П. Скосырева — бесспорно лучшая вещь альманаха и большая удача самого автора [РГАЛИ. Ф. 631. Ед. хр. 57: 34].

Не вполне ясно, что подразумевает автор рецензии под «руссификацией» в «психическом анализе», однако здесь также примечательно, что Скосырева хвалят за то, за что ругают других: использование фольклорных элементов. То же самое делал и Роскин: если пословицы у других авторов — неуместная экзотика, то у Скосырева это «теплота речи». На наш взгляд, помимо собственно качества

текста, о котором судить сложно, здесь играет роль литературная репутация Скосырева: на этом имени удобно построить рассуждение о писателе, который на самом деле знает Туркмению.

Так же, как и Роскин, автор рецензии на «Туркмению», упоминая о жанровом составе альманаха, настаивает на том, что роман и рассказ лучше очерка, потому что очерк — это все то же поверхностное познание из окна вагона. Это общее место, которое встречается, в частности в программной статье профессора И. Н. Бороздина [см.: Бороздин 1934].

Наконец, в обеих рецензиях отдельное внимание уделяется поэзии. В первом (как и в ч. 1 второго) представлены стихотворения русских и туркменских авторов, последние — в переводе. Однако Севрук ограничивается высокой оценкой стихотворений писателей из Москвы.

В рецензии на «Туркмению», куда вошли стихи туркменских писателей в переводе на русский, оценка весьма прохладная. В рецензии на «Айдинг-Гюнлер», напротив, как и в случае с прозаиками, хвалебная. Однако Севрук, написавший часть о стихотворениях, отмечает, что «образцы творчества туркменских и узбекских поэтов, собранных в “Айдинг-Гюнлер”, относительно немногочисленны и не могут, конечно, дать связного представления о современной поэзии туркменского народа» [Роскин 1935: 6]. Фигурирующие здесь узбекские авторы — очевидная путаница, возникшая при редакции. Севрук такую осторожную характеристику объясняет «несовершенством переводов». Это несовершенство, однако, не мешает ему хвалить туркменских авторов за народность, живость, простоту и естественность. Севрук упоминает в частности стихотворения «Отец и дочь» Амана Кекилова и «Пережитое» Дурды Клычева. Однако именно эти стихотворения написаны с сохранением твердых восточных форм. Здесь, по-видимому, сказывается желание нащупать баланс между ориентальностью и усвоением местных литературных форм. Литература должна оставаться «национальной по форме», а значит, туркменские писатели могут позволить себе увлечение «восточной витиеватостью» в отличие от их московских коллег. Значимым также нам кажется упоминание

народности, подспудно противопоставленной экзотике у авторов — гостей республики. Здесь также сказывается установка на «национализацию» литературы: конечная цель создания подобных альманахов — сформировать национальный литературный канон, обучить местных пролетарских писателей, «как правильно», но сохранить репрезентативность местной литературы.

В связи с поэтическим корпусом текстов из альманахов следует также обратиться к рецензии Аделины Адалис на сборник «Поэты советского Туркменистана». Этот сборник следует рассматривать отдельно от обозначенной выше группы альманахов, однако книга имеет непосредственное отношение к проекту туркменской национальной литературы в целом.

В рецензии говорится прямо:

Скажем больше: «Поэты Туркменистана» — единственный национальный сборник, где переводы не халтурны. Те переводчики, которые забрасывают рынок нескоро испеченной халтурой, — Тарковский, Штейнберг, Корчагин, даже Эзра Левонгин — в туркменском сборнике дают добросовестные и честные переводы<.> Хотя, разумеется, такие сроки, как «и звезды удивились в изумлении» (Корчагин<.>) — недопустимы. Но, к счастью, подобных строк здесь мало.

Переводы В. Меркурьевой, М. Петровых, Штейнберга просто хороши [РГАЛИ. Ф. 631. Ед. хр. 57: 19].

Однако стихотворения в переводе М. С. Петровых («На колхозном поле» Ата Ниязова) и Э. Е. Левонтина («Пережитое» Дурды Клычева, в оригинале — «Увидела я»⁵) перепечатаны в альманахе «Айдинг-Гюнлер» без каких-либо изменений и подвергаются описанной выше критике. В случае с «Туркменией», в противоположность к альманаху «Айдинг-Гюнлер» и «Поэтам советского Туркменистана», критик возводит недостатки перевода к оригиналу.

Рецензия Адалис на «Поэтов советского Туркменистана» находится среди документов Туркменской комиссии 1935 г., рецензия на «Туркмению» тоже, но раньше 1936 г., когда вышел альманах, она написана быть не может. Едва ли за пару лет качество туркменской поэзии так изменилось. Видимо, сохраняется

⁵ В современной туркменской орфографии — «Görenim meniň».

представлении о ней как о слабой и лозунговой (последняя характеристика есть и у Севрука), а восторженная рецензия Адалис выглядит программным заявлением, которое должно дежурно опровергнуть эту точку зрения и подкрепить «национализацию» туркменской литературы. Смещение фокуса критики в сторону качества переводов, а не оригиналов, на наш взгляд, демонстрирует именно эту тенденцию.

Интересно, что сам ответственный редактор «Айдинг-Гюнлера» Г. А. Санников считал переводы неудачными: «Ряд значительных вещей не вышло (sic!) из-за низк[ого] кач[ества] перевода и даже те, включенные, далеко не удовл[етворительной] редакции» [РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122: 7]. Однако это утверждение не предназначалось для всеобщего обозрения и находится в личных записях на вырванном из блокнота или тетради листе. Так или иначе, критика должна была искать оправдания низкому качеству стихотворений, находя их то в недостаточной пока выучке самих авторов, то в несовершенстве переводов.

В итоге получается, что оценка «экзотизма» (у Адалис он также упоминается как недостаток, хотя технически довольно сложно упрекнуть туркменского автора в чужеродном взгляде на собственную культуру) в рецензиях чисто техническая, как и оценка качества стихотворений. Сами рецензенты весьма смутно понимают, что это такое и одни и те же явления оценивают то как положительные, то как отрицательные. Понятие «взгляда изнутри», а не «из окна поезда» соотносится в первую очередь с репутационно значимыми именами. В случае с самими национальными авторами критика также занимает произвольную позицию: одно и то же то получает высокую оценку, то осторожную, «учитывая юбилейный характер издания». Кажется, что экзотизм в данном случае становится внешней формулой, через которую удобно оценивать проекты национальных комиссий. Через эту формулу советская ориентальная литература, вероятно, должна быть противопоставлена дореволюционной и западной. Так, Роскин завершает текст следующим образом:

Писатели капиталистического Запада и некоторые из них довели до высокого совершенства жанры колониального романа, колониальной новеллы, колониальной баллады. Искусной лжи Кипплинга <...> советские писатели должны противопоставить полную жизни и красок картину роста и расцвета прекрасных окраин нашей страны [Роскин 1935: 6].

Но на вопрос, как же писатели должны технически противопоставить эту картину роста и расцвета западной литературе, рецензенты не отвечают.

«Формовка» (термин Е. А. Добренко, см.: [Добренко 1999]) туркменского писателя, представляя собой движение от центра к периферии (то есть отчасти колониальную тенденцию) должна была балансировать между «социалистической формой» и «национальным содержанием». Однако сами создатели туркменской пролетарской литературы в 1930-е гг., как кажется, смутно представляли себе эту грань. В Средней Азии было необходимо легитимизировать размежевание национальных республик — болезненный для региона процесс. В том числе и поэтому отказ от экзотики (что бы под ней ни подразумевалось) следовало совместить с задачей сохранения национального колорита и формирования «туркменского национального возрождения».

СОКРАЩЕНИЯ

Бурцева 2020 — Бурцева А. О. Репрезентация быта и культуры как редакционная задача альманаха к 10-летию Туркменистана «Айдинг-Гюнлер» // Эйхенбаумовский сборник. М., 2020 [в печати].

Бороздин 1934 — Бороздин И. Н. Художественная литература Советской Туркмении // Туркменская искра. 1934. 8 июля.

Быстрова 2018 — Быстрова О. В. Влияние М. Горького на развитие национальных литератур // Филологический класс. 2018. № 2. С. 76—82.

Добренко 1999 — Добренко Е. А. Формовка советского писателя. СПб., 1999.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Роскин 1935 — *Роскин А. И.* Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 2. С. 3—6.

Роженцева 2009 — *Роженцева Е. А.* Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // Архив Андрея Платонова. Книга 1. М., 2009. С. 398—407.

СК 2000 — Соцреалистический канон. СПб., 2000.

ТИ 1930а — Мы приехали не ради простого любопытства // Туркменская искра. 1930. 31 марта.

ТИ 1930б — Подсмотреть незаметное. Познать новую Туркмению // Туркменская искра. 1930. 1 апреля.

Тольц 2013 — *Тольц В.* Собственный Восток России. М., 2013.

Bustanov 2015 — *Bustanov A. K.* Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London, 2015.

Edgar 2004 — *Edgar A. L.* Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Prineston, 2004.

Holt 2013 — *Holt K. M.* The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Literature and Film, 1921–1935 (PhD diss., 2013).

Schimmelpennick van de Oye — Schimmelpennick van der Oye D. Russian Orientalism. New Haven, CT, 2010.

Сведения об авторе: Алла Олеговна Бурцева, независимый исследователь; Москва, Россия; e-mail: nilpferdin@yandex.ru

About the author: Alla O. Burtseva, independent scholar; Moscow, Russia; e-mail: nilpferdin@yandex.ru